

ДИАНА ВИКТОРОВНА КОБЛЕНКОВА

доктор филологических наук, доцент кафедры эстетики, истории и теории культуры, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова (Москва, Российская Федерация)
dvmk@yandex.ru

РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПАМФЛЕТ П. К. ЕРШИЛЬДА «ПУТЕШЕСТВИЕ КАЛЬВИНОЛЯ ПО СВЕТУ»

В шведской литературе сатира занимает особое, непочетное, место. Роман П. К. Ершильда «Путешествие Кальвиноля по свету» (1965) является уникальным произведением, концентрирующим большое количество острых мировоззренческих проблем, которые шведское общество старается не актуализировать. Среди них – вопросы католицизма и протестантизма, нацизма и расовой биологии, особого «третьего» пути Швеции и последствий нейтралитета на фоне мировых диктаторских режимов. Размышления о судьбах мира П. К. Ершильд облекает в условную форму религиозно-политического памфлета.

Ключевые слова: шведская литература, сатира, протестантизм, политический памфлет

В 1965 году вышел нетипичный для шведской литературы роман «Путешествие Кальвиноля по свету» (*Calvinols resa genom världen*)¹ Пера Кристиана Ершильда. Роман остается в Швеции наиболее претенциозным произведением на политическую тему и в то же время является одним из самых оригинальных по замыслу текстов в шведской сатирической прозе: он был написан как пародийный ответ на сакральное для Швеции произведение С. Лагерлёф «Удивительное путешествие Нильса Хольгерссона по Швеции» (1905–1907). Герой романа Кальвиноль путешествует уже не по Швеции, а по всему миру и в разные исторические эпохи. Писатель совмещает временные планы, используя фантастическое допущение и создавая коллаж из разных фрагментов, в каждом из которых есть свой хронотоп. Образцом для построения романа послужили произведения Данте, Д. Свифта и Ж. Верна. Стилистически роман ориентирован на традиции Рабле, в жанровом – на форму религиозно-политического памфлета. Автор стремился дать критическую оценку мировым идеологиям, называя среди них католицизм, протестантизм, ислаизм, фашизм, коммунизм, расизм. В каждой из названных доктрин он выявляет стремление к мировому господству, облекая размышления в форму «черного» памфлета. На русский язык роман не переводился.

Судя по положению «Кальвиноля» в литературном процессе, тема и форма произведения вызвали отторжение в шведской критике. Например, в учебнике по «Истории шведской литературы» текст упоминается лишь как пример пастишной формы романа, игровой конструкции, которая стала присуща многим произведениям шведской литературы с середины 1960-х годов, в период авангардных экспери-

ментов с формой. Там же отмечается наличие пикарескной структуры. В двух монографиях о творчестве Ершильда «Люди как звери. Исследование творчества П. К. Ершильда» (1984) [10] и «Нарушение здравого смысла. О технокритике в творчестве П. К. Ершильда» (1990) [4] этот фундаментальный роман не анализируется. Исключение составляет работа шведского художника-карикатуриста Х. Линдстрёма, который написал об этом произведении отдельную главу в книге «Смех над миром в литературе» (1993) [9], теоретической основой которой стала работа М. Бахтина о смеховой культуре Средневековья и Ренессанса. Вместе с тем о Ершильде существует обширная газетная библиография². Это связано с тем, что он был ярким полемистом, постоянно участвовал в общественных дебатах, вел свою колонку в газете «Дагенс Нюхетер». В 2002 году была опубликована выборка 100 его автономных столбцов из «DN», подтверждающая его исключительную социальную активность. Газетная полемика, в которой он принимал участие, касалась главным образом общих вопросов науки и техники, этических границ допустимого в естественных науках. Позиция Ершильда нередко провоцировала идеологические споры, его критиковали за скептицизм, мизантропию, нарушение этических норм, за уподобление людей животным. Однако наблюдения над поведением тех и других приводили писателя к мысли, что люди более репрессивны к миру и к себе подобным, чем звери. Подтверждение своим размышлениям он находил и в прозе М. Булгакова. Среди его произведений Ершильд выше всего ставил «Собачье сердце», родственное его романам по мироощущению и поэтике³. В то же время несколько романов Ершильда вызвали более чем позитивный отклик читателей и литературоведов.

Среди них – «Детский остров» (1976)⁴ и «Вавилонский дом» (1978)⁵. По «Детскому острову» в Швеции был поставлен известный фильм Кая Поллака⁶.

Роман «Путешествие Кальвиноля по свету» (1965) можно расценивать как религиозно-политический памфлет. Он стал своеобразным прологом к дальнейшему полемическому творчеству писателя, так как в нем очерчены основные принципы его художественного мира. До Ершильда в первой половине XX века в литературную полемику с книгой Лагерлёф включались А. Стриндберг, П. Лагерквист и А. Линдгрэн, во второй половине века основным полемистом стал Ершильд: спустя 25 лет после написания «Кальвиноля» писатель создал еще и сиквел к сказке Лагерлёф – провокационный роман «Хольгерссоны» (*Holgerssons*, 1990). Напомним, что центральный герой знаменитой «педагогической поэмы» С. Лагерлёф Нильс Хольгерссон после превращения в карлика отказался возвращаться в мир людей и вместе с гусями облетел одну за другой шведские провинции. В композиционном отношении сказка строилась как авантюрно-приключенческий роман или «роман дороги», в который были вкраплены элементы романа воспитания, поскольку Нильс за время странствия проходил духовную инициацию. В жанровом отношении Лагерлёф, судя по всему, опиралась на средневековые рыцарские романы, философские повести Вольтера, на английский сентиментализм и немецкие романтические новеллы. В композиционном отношении был использован прием нанизывания глав на сквозной мотив путешествия. Спустя 60 лет после выхода этого «Евангелия от Лагерлёф» самый бескомпромиссный сатирик Швеции решил подвести итоги предложенной идеалистической концепции. Напомним, что в своем первом романе «К теплым странам» (*Till varmare länder*, 1961) Ершильд задумал отправить героя «в экспедицию» в ад, чтобы тот постиг человеческие страдания. Интертекстуальным фоном путешествия в исключительные пространства были, главным образом, произведения Данте и Д. Свифта; писатель использовал и образ Лагадо – страны, в которой Гулливер был во время третьего путешествия.

Мотивом к созданию в 1965 году «Путешествия Кальвиноля по свету» послужили политические события этого периода. Интеллигенция в Швеции активно обсуждала военное вмешательство США во Вьетнам. На фоне новых политических конфликтов Ершильд пишет роман о жажде власти и о неистребимости зла. По его убеждению, мир не только не движется к лучшему, но, напротив, порождает новые формы насилия. Будучи человеком науки, материалистом, писатель всегда реагировал на культивируемые политиками ложные идеи: он был убежден, что идеология политических и социальных доктрин,

от католицизма и коммунизма до нацизма и расизма, приводит к формированию враждующих социальных групп, обрекает людей на политические столкновения. Государственные системы, с чего бы они ни начинались, вырождаются в репрессивный аппарат.

В романе изображены реальные исторические деятели: священнослужители, политики, военные, археологи, ученые, кинорежиссеры (Папа Иннокентий III, Густав II Адольф, Валленштейн, генерал Корсаков, Леопольд II, Луи Пастер, Шлиман, академик Павлов, Эйнштейн, де Милль, Гильотен, Монтгомери, Эйхман, Чан Кайши, Ленин, Сталин, Брежнев). Наряду с историческими фигурами действуют литературные герои, среди которых ключевая роль отведена «беглецу от реальности» Мюнхгаузену.

В соответствии с канонами памфлета роман Ершильда полемичен и направлен на конкретные исторические реалии. События и персонажи в нем схематичны, в большинстве глав едва ли не впервые в шведской литературе доминирует гротескная образность. Но раблезианский экспрессивный стиль лишен у Ершильда амбивалентности, он по-свифтовски натуралистичен. Медицинский подход в описании низких сторон человеческого поведения, доминирование телесного начала сближает прозу Ершильда с произведениями «черного» рококо и «неистового» романтизма, постоянно обнаруживающих свое влияние на шведскую литературу. Изображая формы насилия над людьми, Ершильд отмечает, что все участники процесса – как палачи, так и жертвы – в равной степени соответствуют своему предназначению. Разница лишь в том, что одним, по закону естественного отбора, даны сила и стремление к власти, другим – слабость и желание подчиняться. В системе писателя нет положительных примеров; мир с его медицинской точки зрения – это большой зверинец, в котором действует закон биологической иерархии. До Ершильда к проблемам такого типа обращались Р. Киплинг в «Книге джунглей» (1894–1895) и Дж. Оруэлл в антиутопии «Скотный двор» («Звероферма», 1945).

Для отображения мизантропической картины общественных пороков Ершильд выбрал ключевую фигуру протестантизма – реформатора церкви, богослова, основоположника кальвинизма Жана Кальвина (1509–1564). Очевидно, что писатель вступил в сатирическую дискуссию с протестантскими идеями Кальвина, видя в них, как и в прочих системах, манипуляцию общественным сознанием. Надо полагать, что Ершильд не был принципиальным противником протестантских идей, он был скорее скептиком, видевшим несоответствие действительности идеалу. В одной из немногочисленных шведских работ о сатире утверждается, что, критикуя общественные институты, сатира не должна разрушать эти

институты, она может критиковать церковь, но не должна быть антирелигиозной [5: 24]. На этом фоне общественная позиция Ершильда и все, что им было создано, выглядят исключением. И начал писатель с кальвинизма, историческое значение которого огромно. Вслед за Лютером Кальвин реформировал церковь и стал одним из идеологов протестантизма. В исторических источниках его личность характеризуется противоречиво. С одной стороны, его отличали широта взглядов, высокая нравственность, с другой – жестокость и способность решать вопросы через применение смертной казни. Кальвинизм обвиняли в инициировании индивидуализма, который приводит к утверждению личной свободы, к осознанию человеком своих прав, но в то же время допускает авторитет сильной воли, чреватый нарушением равенства в демократическом сообществе. Человек, по Кальвину, должен проявлять послушание властям, а иногда и терпеть несправедливость с их стороны. В то же время Кальвин оставлял право сопротивляться даже для тех, кто занимал низшие ступени в государственной иерархии. Исследователи считают, что это сказалось на формировании либерально-демократической концепции прав человека, права на самозащиту и в целом на экономическом развитии Запада и его общественном сознании. В то же время Кальвин переориентировал этику с индивида на общество. Не столько через личную святость и аскетизм, сколько через труд и умеренное пользование благами мира, неустанное служение ближнему и общине. При этом по отношению к Богу Кальвин утверждал его суверенитет и верховную власть во всем.

Религиозная проблематика повлияла на композиционное построение памфлета, который близок к русским и европейским образцам. Образ жизни Кальвина, его постоянные перемещения по Европе послужили благоприятным материалом для построения авантюрного романа, сходного по структуре с «Путешествием Гулливера» Свифта, с «Мертвыми душами» Гоголя, «Островом пингвинов» А. Франса, «Мастером и Маргаритой» Булгакова. Литературный принцип путешествия героя по проблемным пространствам мировой истории был ему хорошо известен. Как и Чичиков у Гоголя, Кальвиноль не идеален: он является частью той мировой системы, которую, по воле автора, «инспектирует». Никаких внутренних мотиваций Кальвиноля в тексте нет. Его главная задача – быть связующим звеном в романе, в котором нет единого сюжета. Произведение представляет собой сцепление разрозненных глав-фрагментов, объединенных сквозным героем и общностью политической и этической тематики.

В романе излагаются три версии рождения Кальвиноля, являющиеся пародией на евангельские тексты о рождении Христа от Святого Духа и продолжающие традиции карнавальской литературы⁷. Ключ к стилю своего произведения Ершильд дал в эпиграфе из Рабле, который гласит,

что «история мира не более чем морская байка», что все идеологии – всего лишь анекдот.

С самого начала произведение Ершильда представляет собой метароман, который отсылает к сакральным текстам о непорочном зачатии. Использование средств негативной оценки характерно для *инвективы*, которая часто служит стилистической основой памфлета. Среди ее средств – использование

экспрессивных слов и оборотов, находящихся в пределах литературного словоупотребления, до негативно ориентированной и бранной лексики. Огрубление на лексическом уровне выражается, в частности, в более широком употреблении вулгаризмов, грубых просторечных и жаргонных слов и выражений⁸.

Ершильд варьирует несколько приемов Рабле: натуралистическое снижение образов, гиперболизация, многочисленные перечисления, иронический подтекст, обыгрывание слов и понятий в новом контексте. Повторяя принцип, использованный Рабле при описании рождения Гаргантюа из уха матери, Ершильд, очевидно, стремился продемонстрировать профанное тиражирование евангельской истории, которое присуще обывательскому уровню. Вместе с тем во всех трех версиях затрагивается неоднократно повторяющийся в разных вариантах у многих писателей Швеции мотив поиска Отца как поиск Бога, который в конечном счете есть поиск истины и самого себя.

Вряд ли случайно литература в протестантской стране идет по пути, намеченному Кальвином:

Почти вся наша мудрость – во всяком случае заслуживающая наименования истинной и полной мудрости – разделяется на две части: знание о Боге и обретаемое через него знание о самих себе [1].

Эта фраза открывала его «Наставление в христианской вере» [1]. Так, первая глава романа задает метафизическую перспективу сродни «прологу на небесах» в «Фаусте» Гёте, но в сатирическом варианте. На фактическом уровне в пародировании сюжета о Святой Троице можно усмотреть намек на идеологический конфликт между Жаном Кальвином и испанским врачом Мигелем Сервето. Последний опровергал учение о Святой Троице, за что по указу Кальвина был казнен. В художественной реальности Кальвинолю предстояло лично испытать на прочность версию о Троице: герой в романе замещает собой Христа, рожденный, однако, по этим трем версиям при весьма сомнительных обстоятельствах. Учитывая, что Кальвиноль не только проекция Кальвина и Христа, но и Нильса Хольгерссона, то у Кальвиноля появляется своя триада прототипов. Повторяемость троичности в разных вариантах также влияет на ее ироническое снижение. Вторая версия рождения Кальвиноля может трактоваться как многобожие, когда человек становится приверженцем какой-либо религии случайно, оставаясь вместе с другими во тьме корзины, то есть жизни, лишенной знания. В этом случае

тема Фауста может быть понята как вопрос об иллюзии Свободы, поскольку даже обретение Знания не даровало Фаусту ни истинной свободы, ни власти над миром. В третьей версии явно есть аллюзии на «Шагреновую кожу» Бальзака, которая сокращалась в зависимости от честолюбивых желаний Рафаэля де Валантена. Чем больше в размерах и сильнее становился Кальвиноль при рождении, тем слабее и меньше становилась его мать. Бальзак писал, что в жизни есть два главных слова: *желать* и *мочь*. Желать – сжигает нас, мочь – уничтожает. Человеку грозит опасность, если он многого желает, но еще большая опасность возникает тогда, когда он может это реализовать.

Научный подход Ершильда неоднократно сказывался на его представлении об общественных процессах как о примере естественного отбора. Но в «Кальвиноле» писатель отказался от прямого использования зооморфного кода. Основная часть романа состоит из фрагментарных сюжетных зарисовок о разных частях света, где происходят религиозные, политические или научные события. Например, во второй главе «Неудачник из Святого Бернхарда» показано, что восьмилетний Кальвиноль участвует в Крестовом походе детей на Святую землю в Иерусалим, который был инициирован Папой Иннокентием III в 1212 году. В этой части возникает немецкая тема, заявленная до этого образом Фауста. Власть исключительной личности и стремление к покорению мира являются здесь аллюзией на немецкий нацизм и создание отрядов гитлерюгенда. Папа символизирует сильную власть и харизматичность идеолога, католическая религия описывается почти как теория Третьего рейха, которая приводит к массовому фанатизму, в том числе среди детей и юношей.

Кальвиноль в начале Крестового похода был очень счастлив, что, несмотря на свой восьмилетний возраст, он был избран в ряды десятилетних немцев, направлявшихся в Землю обетованную. В романе постоянно подчеркивается, как заманчиво чувство избранности, как оно мотивирует на членство в закрытых сообществах и приучает к борьбе за лидерство и власть. Параллельно идут отсылки к новозаветному детству Иисуса, поскольку Кальвиноль отправился в Иерусалим на маленьком белом ослике со святой водой на локонах. За ним шли монахи, больные, инвалиды, чтобы прикоснуться к нему, а другие – чтобы прикоснуться к грязи из-под копыт его осла. Многие из участников похода утрачивали желание двигаться дальше и превращались в отступников: «они одичали» и «плевали ему вслед» (22). От прохода этого «поезда» по торговым городам не было никакой пользы, кроме того, что «цены еще долго не падали» (23). Кальвиноль, как и другие дети, не дошел до цели, но «обет всегда следовал за ним»: «Он не вернулся на свою

родину, а пошел окольными путями – он продолжал странствовать, но не по направлению к Иерусалиму» (25).

Следующая глава «Эль-Аламейн» переносит Кальвиноля в XX век, в 1942 год, в армию британского генерала Монтгомери, воюющего с немецко-итальянскими частями в Северной Африке. Девятилетний Кальвиноль не единожды вступает в драку с немецкими парнями за возможность побывать в туалете. Атмосфера пронизана тлетворными запахами, подробно описанными автором, немцы изъясняются потоком нецензурной лексики и пытаются унижить Кальвиноля. Параллельно солдаты Монтгомери поют песню-молитву:

...Да получают счастье те, кто любят Бога. Береги маму и папу, Ингри и Монти, и Черчилля, и Бигглесс, и дедушку, и бабушку, и смерть всем немцам во имя Иисуса (31).

В финале этой военной фантазмагии читателю становится ясно, что битва за туалетную комнату – это метафора исторического боя Монтгомери с немцами в Эль-Аламейне. Немецкая тема продолжается в главе «Труд Шлимана». В ней описано, как Кальвиноль участвует в раскопках, проходящих в XIX веке. «Армию» Шлимана провожают с оптимизмом, цветами и надеждами, как настоящую армию – на фронт. Группа Шлимана организована по той же иерархической системе, как все и всегда в Германии. В поезде участники едут по строго заданным правилам: одни в мягких вагонах, другие на полу или в отстойниках с животными. Даже в туалете, не раз обыгранном автором как предмет всеобщих притязаний, шлиманцы сидят по иерархии. Сатира Ершильда лишается карнавальной амбивалентности, присущей книге Рабле. Человечество, по его мысли, сражается не за высокие идеалы, а за возможность господствовать, проявляя низкие биологические инстинкты. В основе концепции писателя лежит убежденность в действенности законов естественного отбора. Так, в эшелоне Шлимана вышестоящие едут в хороших условиях, остальных перевозят, как заключенных, без света и воздуха. Среди низших числятся эпилептики, участники с заячьей губой и те, кто мочился в кровать (43). Если кто-то пытается нарушить порядок, его «подвергают допросу и процедуре осквернения» (41). Девятнадцатилетний Кальвиноль, несмотря на свои интеллектуальные достоинства, не может стать избранным, так как у него не немецкая фамилия. Он должен почитать за счастье, что его взяли в экспедицию чернорабочим. По ходу раскопок члены группы устраивают черные мессы и ждут быстрого результата своих деяний, так как Шлиман обещал им к Новому году вернуться домой. Однако время идет, Троя не найдена, великая цель не достигнута. Рабочие получают конверты с заданиями, не зная ничего наперед,

но по-прежнему повинуюсь воле лидера. Начинается дезинтерия и поедание лошадей в окружении снующих крыс. Этот фрагмент, создающий аллюзию на нереализованную немцами военную операцию блицкрига, обрывается, и действие переносится в 1935 год. Кальвиноль летит над Шампанью и размышляет о том, как труды шлиманцев приходят в упадок:

Что мы могли бы сделать для археологии, если бы выполнили всё. Нас прервали, но Шлимана бы впечатлили наши результаты (61).

Ключевой фразой всей главы становится риторический вопрос, характерный для памфлетной формы: «Как долго еще Северная Европа будет ждать своего Шлимана?» (39).

К теме Германии, но уже вне проблемы арийской исключительности и претензий на мировое господство, Ершильд вернется в главе «На немецкой земле», в которой тема власти подана в гротескно-фантастической форме. Действие перенесено в 1632 год, в эпизод битвы при Лютцене. Там на немецкой территории был убит шведский король Густав II Адольф. Кальвиноль выполняет в шведском лагере функцию псевдолекаря, в саквояже которого имеются отвар змеи, когти летучей мыши, зубы ангела и пр. Авантюристу-лекарю поручают реанимировать убитого короля. Тогда он высушивает его тело и надувает, как воздушный шар. Надувной король, ассоциирующийся с мыльным пузырем, король-иллюзия парит над полем боя в качестве вдохновляющего символа. Напомним, что Густав II Адольф — главная фигура шведского великодержавия. Но критика Ершильда в адрес разных проявлений власти не обошла стороной и национального героя страны. Правда, шведский монарх здесь — трагикомическая фигура, всего лишь парадная обложка, фетиш. Он лишь великая идея, которую нужно реинкарнировать, потому что психология масс требует героя.

В этой главе есть характерное замечание о карликах, образы которых появлялись во многих значительных шведских произведениях XX века. В эпизоде с убитым королем предлагается сначала посадить на коня вместо него карлика, но идея отвергается с формулировкой: «На карлика нельзя положиться, так как он с ума сойдет от величия и начнет творить самосуд» (96). Биологическая теория о высших и низших организмах, которым предопределено свое место в природном мире, была опорной теорией Ершильда — в соответствии с его естественно-научной картиной мира. Но, как и у Энkvиста, в его художественной системе просматривается двойственное отношение к этой теме и к роли сильной личности в истории. Оба писателя, выпустившие романы на сходную тему в один и тот же год, продемонстрировали близкую идейную позицию: сильная личность опасна, страшны внушаемые ею идеи, но еще более опасна слабая

личность, которая проникается ими и, получив власть, не справляется с ней.

Помимо ключевой темы романа, Ершильд останавливается на других вопросах политической истории XX века. Одна из глав посвящена войнам на религиозной почве, в частности столкновению христианства и ислама, другая изображает тайваньский конфликт и «выращивание» солдат генералом Чан Кайши, «как другие выращивают рис». «Оловянные солдатики», прибывающие пачками в маленьких коробках, маршируют, как игрушечные зомби в американском Диснейленде рядом с Белоснежкой и Микки-Маусом. Тема Соединенных Штатов как кукловода в новой послевоенной эпохе затрагивается в главе о расизме, в которой столкновение белого и черного населения планеты приводит некоторых к устойчивому заблуждению, что человек с черными курчавыми волосами и плоским носом априори лишен интеллекта. Американский контекст возникает и в главе о современных типах любви. Брак остался в прошлом, отношения строятся на случайных связях, на подавлении одного партнера другим и имеют своим результатом венерические заболевания. Гораздо более эффективно сексуальность используется американцами в рекламе: например, когда обнаженные девушки обнимают автомобильные шины. Подобное утилитарное отношение проявляется к религии: для парней, приезжающих на бензозаправку Кальвиноль лечиться от заразных болезней, «религия — своего рода страховка с умеренной премией». У католиков, например, «Дева Мария болтается на шнурке зеркала заднего вида» (126–127). У других вместо нее «болтается» портрет Патриса Лумумбы.

Наиболее яркими в художественном отношении можно считать главы, в которых Кальвиноль встречается с Мюнхгаузеном и пытается излечить огромное тело Брежнева. Знаменитый барон посещает доктора Кальвиноля по собственному желанию, считая его родственной авантюрной душой. Он прибывает ради духовной беседы — обсудить свою «врожденную меланхолию», на что Кальвиноль иронически отвечает:

Вы парили над полем битвы на воздушном шаре, рассматривая страдание через перевернутый бинокль. <...> Летать на пушечном ядре — это бегство от реальности, эскапизм, безответственность. <...> Всегда будет пушечное ядро, воздушный шар, на котором можно улечься, чтобы не сталкиваться лицом к лицу с проблемами, если только случайно. <...> Вы даже не алкоголик, не опиоман, не ростовщик... почему кто-то должен вас жалеть? (146–147).

Но Мюнхгаузен остается эксцентричным интровертом, предпочитающим свою игру. В критическом отношении автора к его позиции просматривается осуждение всех, кто решил, что война и страдание не их дело. Чтобы Мюнхгаузен соответствовал своему имени «Иеронимус» (что означает «святое имя»), даваемое чаще всего

монахам), Кальвиноль выписал ему рецепт: «ответственность – 0,15; честность – 0,10; правда – 1,75; выносливость – 0,05» (148). Но у барона есть аргумент в защиту своей безответственной позиции: «Первым шутником был Бог, который создал Адама... как я могу соревноваться с Богом?» (7). Иными словами, так устроено все мироздание, и ответственность за это лежит на Всевышнем.

В главе «Великий человек» Кальвиноль оказывается в Советском Союзе. На календаре 1962 год, Сталин умер, Хрущёв отправлен на пенсию. Глава государства Брежнев становится символом огромных территорий:

С головой на Украине и ногами на Камчатке и Владивостоке... Большой человек вырос до таких размеров, что не мог подняться (149).

Кальвиноля приглашают в качестве врача придать ему силы, чтобы он смог занять определенное положение. С безликой переводчицей Надеждой⁹, которая ходит в сером платье с круглым воротничком и напоминает Крупскую, Кальвиноль обследует тело, объезжая его на машине и плавая по нему на корабле. Его маршрут пролегает через ноздри, среднее ухо, гортань, печень, желудок и т. д. От желудочных проблем Брежнева героев выкинуло на берег. В другой поездке – через ноздри «большого человека» – им дали топоры «прорубать выход» (158). После банкета в Москве Кальвиноль потерял сознание и очнулся в качестве ордена «на богато украшенной груди секретаря».

Рядом с ним было два ордена Ленина. Один из них был молодым Лениным с энергичным лбом, он усердно работал с бумагой и ручкой. С другой стороны висел старый и парализованный Ленин, у которого одна половина тела была вялой, он был с потухшим взором, которым смотрел на свою бесконечную Россию. Выше висел орден Сталина. Он пнул Кальвиноля в голову и спросил, есть ли у него табак для трубки (162).

Перед праздниками спускались на канатах чистильщики этих орденов. Осмотревшись, Кальвиноль заметил, что висит среди наград иностранных государств: «Соседи были более старые и хмурые, некоторые были смертельными врагами» (162).

Эта «советская» глава отличается повышенной гротесковой поэтикой. Однако Брежнев, как и Густав II Адольф, предстает у Ершильда без негативных политических коннотаций. Гиперболизация, которую применяет Ершильд, вызывает скорее сострадание к больному существу, столь же неподвижному, как бесконечная страна, которую он возглавляет.

Идеологическим центром всего памфлета можно считать главу «Акустические микробы». Эта часть написана как научная статья с посвящением Луи Пастеру, который в 1881 году первым выдвинул идею существования микробов такого типа. Статья должна была дать ответ на три научных вопроса:

1. Можно ли вырастить акустические микробы с помощью фонографа. 2. Если первое условие выполнено, то можно ли их классифицировать и разводить. 3. Можно ли воздействовать на них с помощью биологических методов и соответственно можно ли создать вакцину против этих микробов (74).

До них мир знал только «микробы-знаки», которые были зафиксированы «на бумаге, камне, глине». Но, будучи зафиксированными, они находились в своей неактивной фазе, в то время как акустические микробы заражают на расстоянии 1000 метров (77). Особо значим эффект эха, который может в три-четыре раза продлить их активную стадию. Фонографы, начиная с Эдисона, записывают их на пленку, после чего все слышат их по-своему. Массовый перенос с фонографа на фонограф и с эффектом эха изменяет их. Характерно, что человек может сам не болеть, но являться их разносчиком. Определенная защита достигается в том случае, если удастся «расщепить их на шумы или закрыть рот» (78). По мнению Ершильда, речь отличает человека от животного, но именно она становится источником распространения этих микробов, под которыми подразумевается информация. Ее смысл искажается по мере достижения адресата.

Гротескный памфлет П. К. Ершильда становится иллюстрацией его центральной концепции о вреде ложных политических идей и господствующих в обществе иллюзий. Все пространства, в которых оказывается персонаж, заражены вирусом какой-либо идеологии. Роман, помимо прочего, отражает убежденность П. К. Ершильда в абсолютной власти законов естественного отбора, который используется в политических целях.

В стиле и в изобразительных принципах письма очевидны черты «медицинской прозы» и влияния натурализма, но не французского образца, а немецкого и австрийского, напоминающего приемы Альфреда Дёблина. Однако форма многих произведений писателя, в том числе представленное памфлетное повествование о путешествии Кальвиноля, сознательно условна. Более того, проза П. К. Ершильда является в Швеции редким примером гротескового повествования. При построении хронотопа писатель использует и прямое фантастическое допущение, позволяющее соотнести разные эпохи.

«Путешествие Кальвиноля» – это одно из наиболее интертекстуальных произведений в Швеции: Ершильд использует большое количество аллюзий на тексты мировой литературы, среди которых главными остаются Новый Завет, произведения Данте, Дж. Свифта, И. В. Гёте и С. Лагерлёф. Очевидно также, что к середине 1960-х годов в оппозиционной социально-политической шведской прозе, как и в шведском кинематографе, стали превалировать антиидеологические мотивы. Обращение писателей к первоосновам мировоззренческой картины протестантизма обнаружило его глубокий кризис, который в итоге привел к постепенному угасанию

религиозного чувства в стране и к поиску иных основ в национальной картине мира.

Содержание в высшей степени условного романа П. К. Ершильда, конечно, не укладывается в единственную жанровую модель, структура этого памфлета многослойна. Читатель воспринимает текст как синтетическую форму религиозно-политического *road movie* с элементами исторического

и авантюрно-приключенческого жанров и интеллектуального «романа идей», как сатирический интертекстуальный пастиш-роман со свободной композицией и доминирующей гротескной образностью. Создание Ершильдом провокационной пародии на знаменитое произведение С. Лагерлёф говорит о том, что главными качествами писателя были бескомпромиссность и нонконформизм.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Jersild P. C. Calvinols resa genom världen. Lund: Rahms, 1982. 213 s. В статье в круглых скобках указаны страницы.
- ² См. статью и рекомендованную в ней библиографию: [8]. На русском языке о творчестве писателя и данном произведении см. подробнее [2].
- ³ Ершильд впервые прочел «Собачье сердце» в 1973 году – за 5 лет до создания им «Вавилонского дома». Он написал статью о Булгакове в сборнике «Писательская история литературы», в котором шведские авторы размышляли о своих фаворитах в мировой литературе. См. [6].
- ⁴ По убеждению Ершильда, человеку в современном мире никто не нужен, поэтому не стоит заводить детей тем, кто в них не нуждается.
- ⁵ «Вавилонский дом» был символическим образом: Уппсальский госпиталь символизировал государственную систему, которая функционировала как абсурдный и малопродуктивный механизм.
- ⁶ Кай Поллак (Kay Gunnar Leopold Pollak, 1938) – известный шведский кинорежиссер.
- ⁷ Одну из версий рождения Кальвиноля П. А. Лисовская рассматривает как метатекстовое юмористическое повествование, пародирующее сюжет Юхана Людвиг Рунеберга «Сказания Фенрика Столя» (Fänrik Ståhls sägner, 1848). См. [3].
- ⁸ См.: Памфлет как жанр сатирической публицистики. Приемы создания памфлетного жанра [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://diplomrus.ru/raboti/22143?mod=diploms> (дата обращения 05.07.2015); Ткачев П. Сатиры злой звенящая струна... (о памфлете). Минск: Наука, 1974; Тепляшина А. Н. Сатирические жанры современной публицистики. СПб.: СПбГУ, 2000; Инвектива: жанр или прием [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://journ.ucoz.ru/forum/8-544-1> (дата обращения 05.07.2015).
- ⁹ В шведском варианте *Nadsezada*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кальвин Ж. Наставление в христианской вере / Пер. с фр. А. Д. Бакулова. М.: Изд-во РГГУ, 1998. Т. 1–2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://knigosite.org/library/read/9853> (дата обращения 16.08.2018).
2. Кобленкова Д. В. Шведский роман второй половины XX – начала XXI века: поэтика художественной условности: Дис. ... д-ра филол. наук. Н. Новгород, 2016. 422 с.
3. Лисовская П. А. Репродукция эпоса Ю. Л. Рунеберга в романе П. К. Ершильда «Путешествие Кальвиноля по свету» // Скандинавская филология. Scandinavica. Вып. 9. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. С. 152–160.
4. Anshelm J. Förnuftets brytpunkt. Om teknikkritiken i PC Jersilds författarskap. Stockholm: Bonniers Grafiska Industrier AB, 1990. 376 s.
5. Ekelund A. - S. Konsten att protestera. Om satir i litteraturen. Scripta minora № 23. Växjö: Högskolan i Växjö, 1994. 62 s.
6. Jersild P. C. Michail Bulgakov // Författarnas litteraturhistoria. De utländska författarna 3 / Red. M. Gustafsson och B. Håkansson. Malmö: Författorförlaget, 1982. S. 248–259.
7. Knådan tradition: pastischen under 1960-talet // Den Svenska Litteraturen. Medieålderns litteratur. 1920–1985. S. 90–91.
8. Lindberg M. P. C. Jersild // Svenska samtidsförfattare. № 4. Lund: BTJ Förlag, 2006. S. 34–42.
9. Lindström H. Skattet åt världen i litteraturen. Stockholm: Carlsson, 1993. 371 s.
10. Nordwall-Ehrlow R. Människan som djur. En studie i PC Jersilds författarskap. Malmö: Frank Stenvalls Förlag, 1984. 256 s.

Koblenkova D. V., All-Russian State Institute of Cinematography (Moscow, Russian Federation)

PER CHRISTIAN JERSILD'S RELIGIOUS AND POLITICAL PAMPHLET CALVINOL'S VOYAGE AROUND THE WORLD

In Swedish literature, satire has a special, inherently unvalued, place. Per Christian Jersild's novel *Calvinol's Voyage Around the World* (1965) is a unique text that concentrates a large number of acute worldview problems that Swedish society tries not to actualize. Among them are the issues of Catholicism and Protestantism, Nazism and racial biology, a special "third" path of Sweden and the consequences of neutrality against the backdrop of world dictatorial regimes. Reflections on the fate of the world are presented by Jersild in a conventional form of a religious and political pamphlet.

Key words: Swedish literature, satire, Protestantism, political pamphlet

REFERENCES

1. Calvin J. Catechizing in the Christian faith. Moscow, RGGU Publ., 1998. Vol. 1–2. Available at: <http://knigosite.org/library/read/9853> (accessed 16.08.2018). (In Russ.)
2. Koblenkova D. V. Swedish novel during the second half of the XX and the early XXI centuries: poetics of artistic conventions: Diss. ... Doctor of Philology. Nizhny Novgorod, 2016. 422 c. (In Russ.)
3. Lisovskaya P. A. Reproduction of Johan Ludvig Runeberg's epos in Per Christian Jersild's novel *Calvinol's Voyage Around the World*. *Scandinavian studies*. Scandinavica. Issue 9. St. Petersburg, SPbGU Publ., 2007. P. 152–160. (In Russ.)
4. Anshelm J. Förnuftets brytpunkt. Om teknikkritiken i PC Jersilds författarskap. Stockholm: Bonniers Grafiska Industrier AB, 1990. 376 s.
5. Ekelund A. - S. Konsten att protestera. Om satir i litteraturen. Scripta minora № 23. Växjö: Högskolan i Växjö, 1994. 62 s.
6. Jersild P. C. Michail Bulgakov // Författarnas litteraturhistoria. De utländska författarna 3 / Red. M. Gustafsson och B. Håkansson. Malmö: Författorförlaget, 1982. S. 248–259.
7. Knådan tradition: pastischen under 1960-talet // Den Svenska Litteraturen. Medieålderns litteratur. 1920–1985. S. 90–91.
8. Lindberg M. P. C. Jersild // Svenska samtidsförfattare. № 4. Lund: BTJ Förlag, 2006. S. 34–42.
9. Lindström H. Skattet åt världen i litteraturen. Stockholm: Carlsson, 1993. 371 s.
10. Nordwall-Ehrlow R. Människan som djur. En studie i PC Jersilds författarskap. Malmö: Frank Stenvalls Förlag, 1984. 256 s.

Поступила в редакцию 28.03.2018